

И. Дьяконов

ИЗУЧЕНИЕ КЛИНОПИСИ В СССР ЗА 30 ЛЕТ

Наука, связанная с изучением клинописи, за последние сто лет выросла в сложный комплекс дисциплин. Огромное количество памятников, написанных на десятке различных языков, необходимость разрешения сложнейших вопросов лингвистики, палеографии и хронологии — все это делает овладение клинописным историческим материалом делом весьма трудным и требующим согласованной работы многих специалистов.

В то же время научное значение исследования данного материала исключительно высоко. Только здесь имеются обильно документированные данные, освещающие процессы становления и развития первых классовых обществ, процессы формирования государства и права, наук и искусств, — короче говоря, возникновения цивилизаций; эти данные показывают внутренние закономерности этих процессов вне каких-либо сторонних влияний более старых культур. Понятно, что огромное историко-теоретическое значение клинописного материала вполне оправдывает большие затраты труда, необходимые для его освоения.

Для нашей страны изучение клинописных памятников имеет особое значение еще потому, что область их распространения в древности захватывает территории нашего Союза, и потому, что влияние культур Древнего Востока на народы, населявшие юг нашей страны, было весьма значительным.

Однако, несмотря на все значение Древнего Востока для истории нашей страны, число ученых, разрабатывавших вопросы языка, культуры и истории народов древней Передней Азии, в дореволюционной русской науке всегда было очень невелико. Если в египтологии усилиями академика Б. А. Тураева была создана значительная русская школа, то в ассириологии, семитской эпиграфике, урартологии у нас работали одиночные ученые. История изучения клинописи в России — это в большой мере история личных достижений этих одиночек. С этих достижений, явившихся введением к работе советской науки, мы и должны начать наш обзор.

Ассириология в России берет свое начало от В. С. Голенищева, бывшего также одним из пионеров русской египтологии. Ему принадлежат первые публикации ассирийских памятников в России. Впервые в обиход науки В. С. Голенищев ввел исторически важные староассирийские, так называемые «каппадокийские» клинописные тексты, которые, несмотря на многочисленные публикации, последовавшие за его «*Vingt-Quatre Tablettes Cappadociennes*» (1891 г.), долгое время не поддавались расшифровке. Другой египтолог, Б. А. Тураев, был также не чужд ассириологии; в част-

ности, немало блестящих страниц посвящено древней Ассирии и Вавилону в его «Истории древнего востока».

Чрезвычайно важное и почетное место в мировой ассириологической литературе занимают работы М. В. Никольского, в особенности первый том его «Документов хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи» (1908 г.). В этом труде М. В. Никольский выступил пионером в одной из главнейших дочерних наук ассириологии—шумерологии. Им было опубликовано большое собрание важнейших, наиболее древних текстов на шумерском языке. Эти тексты впервые были им частично переведены, частично даны в изложении и обработаны; в немалой степени работе М. В. Никольского наука обязана возможностью создать представление о древнейшей шумерской цивилизации, об ее языке и общественных отношениях.

Если В. С. Голенищев и М. В. Никольский явились пионерами целых новых областей ассириологии, и их работы в течение полувека остаются настольными для всех, кто трудится в этих областях науки во всем мире,—то заслуга крупнейшего русского семитолога, академика П. К. Коковцова—в ином, а именно в заложении основ отечественной ассириологической школы.

Будучи семитологом в широком смысле, П. К. Коковцов мало как исследователь работал в области ассириологии, но на протяжении многих лет он вел курс ассириологии в Петербургском, позднее Ленинградском, университете, передавая ученикам свою гигантскую эрудицию и навыки обстоятельности и точности филологической работы. Ему удалось создать непрерывную традицию в нашей ассириологии, основу школы, которая оформляется уже в советский период. До конца своих дней он внимательно следил за развитием русской ассириологии. Несмотря на достигнутый им преклонный возраст и замкнутый образ жизни, связи между ним и его учениками и учениками учеников оставались живыми, и его смерть во время блокады Ленинграда в 1941 г. ощущается нашей наукой как болезненная потеря.

Издание клинописных текстов наших собраний продолжил блестящий ассириолог В. К. Шилейко в одной из своих важнейших работ, вышедшей в 1916 г.,—«Вотивные надписи шумерийских правителей». Введение к этой работе представляет одно из лучших исследований по истории Шумера, продолжающее сохранять значение и через тридцать лет. Но большинство трудов В. К. Шилейко относится уже к советскому периоду нашей ассириологии.

Десятилетия, отделявшие начало работы П. К. Коковцова в ассириологии от начала работы в той же области В. К. Шилейко, были ознаменованы бурным развитием этой науки. Были опубликованы десятки тысяч документов самого разнообразного содержания, развились совершенно новые отрасли науки—например шумерология, хеттология; для разработки любой отдельной узкой области в пределах ассириологии требовалось теперь овладение огромным материалом памятников и широкая эрудиция. В. К. Шилейко, будучи в то время еще единственным у нас ассириологом-исследователем, встал перед чрезвычайно трудной задачей овладения исследовательским мастерством во всех важнейших отраслях ассириологии, ибо наша наука требовала ответа на вопросы самого разнообразного характера. И эта задача была выполнена В. К. Шилейко блестяще; в собственно ассириологии, в шумерологии и в хеттологии он одинаково в полной мере был мастером своего дела¹.

¹ Издание и обработка клинописных текстов в работах В. К. Шилейко после 1917 г. «Две досаргоновские таблички в Московском музее изящных искусств» (Сб. в честь

Однако уже миновал первый период развития ассириологии, когда был достаточен общефилологический подход к памятникам. Новое поколение разрабатывает на клинописном материале уже более специально отдельные области—истории, литературоведения, языкознания. Специально перед советской ассириологической наукой ставятся особые задачи—создания марксистской истории древнего Востока, и в первую очередь исследования социально-экономических отношений и включения богатого и разнообразного древнего языкового и литературного материала клинописных памятников в арсенал нового материалистического учения о языке и мышлении; все это обязывало пересмотреть памятники заново, с совершенно новых углов зрения. Благодаря работе академика П. К. Коковцова и В. К. Шилейко число ученых, способных оперировать клинописным материалом, к этому времени увеличилось, и к концу 20-х и к 30-м гг. стало ощущаться существование советской школы в области изучения клинописи.

Главный интерес В. К. Шилейко лежал в области ассирио-вавилонской литературы. Его перу принадлежат переводы едва ли не всех известных тогда важнейших произведений этой литературы. К сожалению, ранняя смерть В. К. Шилейко в 1930 г. помешала выполнению его замыслов, и лишь небольшая часть его работ по клинописной литературе до сих пор успела увидеть свет¹.

Начиная с конца 20-х и начала 30-х г. на поприще советской ассириологии выступает ученый-историк, с именем которого связана плодотворная дискуссия об общественном строе древнего Востока—акад. В. В. Струве, известный до тех пор более как египтолог, однако уже издавна интересовавшийся широким кругом вопросов, связанных с историей древнего Востока в целом, и ныне признанный глава советской науки о древнем Востоке.

С конца 20-х г. В. В. Струве издает и обрабатывает ряд отдельных клинописных памятников и создает ряд исследований по отдельным вопросам истории и культуры Двуречья². В начале 30-х гг. В. В. Струве выступил с имеющей принципиальное значение серией статей и монографий, посвященных экономике древнего Востока, доказывая, —главным образом на клинописном материале,—что ведущим укладом древневосточного общества являлся рабовладельческий³. Разработка этой темы ве-

Мальмберга, стр. 87—91, М., 1917); «Фрагменты из Богазкея в собрании Лихачева», ЗВРАО, XXV, (П., 1921), стр. 77—82; «Документы из Гюль-Теле», ИРАИМК, I, 1921, стр. 356—364; «Молитва к ночным богам в собрании Лихачева», ИРАИМК, III, 1924, стр. 143—152; «Богазкейские фрагменты в собрании Лихачева», ИРАИМК, IV (Л., 1925), стр. 318—324; «Печать из Ашуннака», «Памятники ГМИИ», V, 1926; «Прогнозы лунного обращения времени I Вавилонской династии», ДАН, 1927, стр. 125—128 (на нем. языке); «Фрагмент астрологического комментария», там же, стр. 196—199; «Мес и Солнце», там же, стр. 129—182 (на нем. языке); «Вавилонский посвященный текст, писанный греческим шрифтом», АЮ, V (1928), стр. 11—13 (на нем. языке); «Текст предсказания Саргону Аккадскому и его отзвук у римских писателей», там же, стр. 214—218; «Кольбельная песенка из Ассур», ДАН, 1929, стр. 14—15.

¹ Работы В. К. Шилейко после 1917 г. в области ассирио-вавилонской литературы, кроме упомянутых выше: Введение к книге Н. С. Гумилева, «Гильгамеш, Вавилонский эпос», П., 1919; «Из поэзии Вавилона», «Восток», П., 1922; кн. 1, стр. 7—14; «Родная старина», там же, стр. 80—81; «Орел и змея», «Восток», П., 1924, кн. 4, стр. 24—27; «Из книги Edinna usagga», там же, стр. 21—23.

² «Сенаар и Египет», ИРАИМК, I, П., 1921, стр. 251—256; «К истории патесиата Гишху», ИРАИМК, II, П., 1922, стр. 29—64; «К локализации «Страны Маган», ЯС, IV (Л., 1926), стр. 20—33; «Диалог господина и раба о смысле жизни» (сб. «Религия и общество», стр. 41—59, Л., 1926); «Иштарь-Исольда в древневосточной мифологии» (сб. «Тристан и Исольда», стр. 49—70, Л., 1932).

³ «Рабовладельческая латифундия в Сумире III дин. Ура», «Сб. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», Л., 1933; «Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III дин. Ура», ПИДО, 1934, № 7, стр. 211—222; «Проблема Востока», ИГАИМК, № 77, (Л., 1933); «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», ИГАИМК, № 8, 97 (Л., 1934).

лется им и по настоящее время в ряде специальных статей и исследований¹.

Академик Н. М. Никольский, библиист и крупный историк религии, также издавна занимавшийся культурой древнего Востока в целом — и как исследователь и как выдающийся популяризатор, — возражая против точек зрения акад. В. В. Струве и основываясь также главным образом на ассириологическом материале, подчеркнул значение специфической формы общины для экономики и истории древнего Востока².

Значение возникшей дискуссии чрезвычайно велико. Впервые выкристаллизовывается понимание социально-экономического характера древнейших в мире цивилизаций, первого классового общества.

Разработка вопросов истории и экономики стран клинописной культуры, в которой, наряду с акад. В. В. Струве и акад. Н. М. Никольским, принял участие и ряд других исследователей, представляет немаловажный вклад в нашу и мировую историческую науку³.

Вопросы языков клинописных памятников привлекали внимание ряда советских исследователей, в первую очередь акад. Н. Я. Марра⁴. Но пер-

¹ «Параграфы 34 и 36 хеттского судебного кодекса», ВДИ, 1937, № 1, стр. 33—38; «Датировка I Вавилонской династии», ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35; см. также соответств. разделы в «Истории древнего востока» акад. В. В. Струве (М.—Л., 1941) и в предшествующих изданиях.

² «К вопросу о рабстве на Древнем Востоке. По поводу статьи В. В. Струве, «Рабовладельческая лагфундия в Сумире III дин. Ура», ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 207—210; «О построении истории древнего Востока», ВДИ, 1938, № 3, стр. 314—322; «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4, стр. 72—98; «К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье», ВДИ, 1939, № 2, стр. 68—76; «Рабство в древнем Двуречье», ВДИ, 1941, № 1, стр. 45—63.

³ Кроме упомянутых выше работ см. С. Джанашиа, Тубал-табал, тибарен, пбер, Тбилиси, 1937; А. П. Рифтин, К происхождению вавилонского частнопроводного акта (Сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1937, стр. 3—10); И. М. Дьяконов, Аморея, ВДИ, 1939, № 4, стр. 66—69; С. Джанашиа, Древнейшее народное свидетельство о первом месте поселения грузин в свете истории Ближнего Востока, Изд. ГрузФАН, Тбилиси, 1940, стр. 633—694 (на груз. яз.); чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, Угасющий Вавилон, УЗЛГУ—СИН, № 9, Л., 1941, стр. 42—45; акад. А. И. Тюменев, «О значении термина «КАЛ» в древнешумерском языке», ВДИ, 1946, № 2, стр. 10—20, И. М. Дьяконов, «Вавилонское политическое сочинение VIII в. до н. э.», ВДИ, 1946, № 4, стр. 41—53; акад. А. И. Тюменев, О формах земельных отношений по надписи обелиска Манишгусу, ВДИ, 1946, № 4, стр. 33—40 и др.

Из более ранних работ следует отметить: В. К. Шилейко, Ассириологические заметки, ЗВОРАО, XXV (1921), стр. 133—144, где автору удалось, между прочим, установить важные факты из истории Лагаша послесаргоновского времени, и Н. М. Никольский, Хеттские законы и их влияние на законодательство Пятикинья, «Еврейская старина», XII, Л., 1928. См. также И. Н. Бороздин, Хеттские законы, «Новый Восток», IV, стр. 291 сл.; А. Захаров, Хеттские законы, «Право и жизнь», № 9—10 (М., 1923); Ж. Контан и А. Захаров, Хетты и хеттская культура, М., 1924.

⁴ Акад. Н. Я. Марра, Шумерские слова с основой еп в освещении одного из положений яфетической семантики, ДАН, 1924, стр. 45—46; Заметки по яфетическим клинописям, ИРАИМК, III (1924), стр. 257—287; Пережитки еще семантических групп «Небо-Вода» из шумерского языка, ДАН, 1924, стр. 63—64; От шумеров и хеттов к палеоазиатам, ДАН, 1926, стр. 135—136; К пересмотру распределения шумерского словаря, ДАН, 1927, стр. 7—12; Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, ДАН, 1927, стр. 82—84 и др.; акад. В. В. Струве, Семантика жалавань в Сумире, «Язык и мышление», III—IV (Л., 1935), стр. 101—110; Рудимент классового показателя в шумерском языке, ИОН, 1934, № 10, стр. 799—806; М. В. Немировский, Хеттские местоименные формы и яфетические языки Кавказа и Средиземноморья, Владикавказ, 1930; он же, Хеттский язык, как проблема индоевропейской, кавказской и общей лингвистики (Сб. Научн. об-ва этнографии языка и лит-ры при Горьковском пед. ин-те, I, Владикавказ, 1929, стр. 56—59); Г. А. Капанцян, Chetto-Armeniac; он же, Хеттские боги у армян; П. Н. Ушаков, Проблема древнейшего населения Малой Азии, Кавказа и Эгеиды, ВДИ, 1939, № 4, стр. 50—59; Эпиграфические

вым лингвистом-ассириологом у нас стал недавно безвременно ушедший А. П. Рифтин, ученик П. К. Коковцова, В. К. Шилейко и Н. Я. Марра. Им было продолжено начатое В. С. Голенищевым, М. В. Никольским и В. К. Шилейко издание клинописных памятников наших собраний¹. Работая над своим большим трудом «Старовавилонские документы в собраниях СССР», А. П. Рифтин приобрел глубокую эрудицию в области вавилонского языка, палеографии и права, заслуженно давшую ему место среди наиболее выдающихся филологов-ассириологов. Пройденная А. П. Рифтиным семитологическая школа и его ассириологическая эрудиция дали ему глубокое понимание жизни языков, столь разнотипных и разностадиальных, как аккадский и хеттский, шумерский и арабский, и позволили ему стать одним из лучших советских лингвистов-теоретиков. Его лингвистические статьи, всегда сжатые по форме, но богатые по мысли, вплоть до последней, вышедшей уже после его смерти—«Основные принципы построения теории стадий в языке»,—были кирпичами большого здания, завершить построение которого ему не удалось². Он останется в нашей памяти одним из наиболее видных деятелей наиболее передовой советской лингвистической науки.

Говоря о заслугах А. П. Рифтина перед советской наукой, нельзя не упомянуть и о его работе как педагога и организатора. Его усилиями было восстановлено и значительно расширено прекратившееся было после отхода от педагогической деятельности в Ленинградском университете П. К. Коковцова и В. К. Шилейко преподавание ассириологических и смежных дисциплин. С 1932 по 1945 г. он возглавлял организованную им кафедру семито-хамитской филологии, объединявшую блестящую плеяду ученых—акад. И. Ю. Крачковского, А. Я. Борисова, Н. В. Юшманова, И. Г. Франк-Каменецкого и др.—и составившую основу трех нынешних кафедр Восточного факультета Ленинградского университета: кафедры арабистики, кафедры ассириологии и гебраистики и кафедры египтологии и африканистики. Многочисленные ученики и друзья А. П. Рифтина с благодарностью вспоминают не только его ученую, но и многообразную, кипучую общественную и организационную деятельность.

Наиболее молодая область кунеологии—изучение текстов Рас-Шамры—нашла у нас за последние годы своего выдающегося исследователя в лице академика Н. М. Никольского, разрабатывающего ныне вопросы древнефиникийской религии, привлекая данные библеистики и этнографии

памятники Лидии, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 46—61; Г. А. К а п а н ц я н, Ассиро-вавилонские слова армянского языка, «Изв. АН Арм. ССР», 1945, № 3—4.

¹ «Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР», М.—Л., 1937 (издание в копии, транскрипции и переводе свыше полутора века документов начала II тысячелетия до н. э. с подробным филологическим и правовым комментарием и введением); см. также «Старовавилонские хозяйственные тексты», СЕК, 1, 1929, стр. 15—17 (на нем. яз.); «О некоторых старовавилонских купчих», СЕК, 4, 1930, стр. 26—30 (на нем. яз.); «Из вавилонского права», Сб. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 437—442; «Старовавилонский договор об аренде из Сиппара», Сб. «Академия Наук СССР—академику Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 757—760; «Процесс о свадебном подарке времени Samsuiluna из Sippar'a (Сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1937, стр. 41—48).

² «Система шумерских числительных» (Сб. «Языковедные проблемы по числительным», I, 1927, стр. 177—190); «О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке (Предварительное сообщение)», «Советское языковедение», III, 1937, стр. 59—67; «Об образовании шречий», УЗЛГУ, № 60 (1940), стр. 51—56; «К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках», «Труды второй сессии Ассоциации арабистов 13—23 окт. 1937 г. (М.—Л., 1941), стр. 127—132; «Категория видимо:го и невидимого мира в языке», УЗЛГУ—СФН, Л., 1946, № 10, стр. 136—152; «Из истории множественного числа», там же, стр. 37—53; и др.

и по-новому раскрывая древнефиникийские культы как культы общинно-земледельческие¹.

Еще одной из областей, изучавшихся советскими ассириологами и специалистами смежных дисциплин, была область истории науки и техники древней Передней Азии. Здесь работал ряд исследователей, создавший значительные работы как частного, так и обзорного порядка².

Обзор нашей ассириологии не был бы полным, если бы мы не упомянули научно-педагогической деятельности Н. Д. Флиттнер, хотя работы ее относятся собственно не к изучению клинописи, а к вопросам истории материальной культуры и искусства древнего Востока. Ей принадлежит, среди прочих, ряд работ по истории искусства и материальной культуры Вавилонии, чему у нас ранее не уделялось достаточного внимания³. Еще большее значение имеет многолетняя преподавательская и популяризаторская работа Н. Д. Флиттнер, которой в большой степени мы обязаны непрекращающимся интересом в нашей стране к культурам древнего Востока.

В настоящее время советские исследователи продолжают разработку выдвинутых нашей наукой проблем. Продолжают разрабатываться вопросы истории и экономики (акад. В. В. Струве, акад. Н. М. Никольский, акад. А. И. Тюменев, И. М. Дьяконов и др.), изучается новый материал Рас-Шамры (акад. Н. М. Никольский), продолжается традиция преподавания ассириологических дисциплин учениками А. П. Рифтина (Л. А. Липин, И. М. Дьяконов); издаются и обрабатываются отдельные клинописные памятники⁴.

Задачи, стоящие сейчас перед советской кунеологией, весьма обширны. Необходимо продолжать издание клинописных памятников наших собраний. В области экономики, истории и культуры необходимо исследовать конкретные условия по отдельным областям и эпохам; сейчас уже намечены основные принципы понимания древневосточной социально-экономической истории, но конкретная жизнь обществ древнего Востока во всей

¹ «Финикийские общинно-земледельческие культы по тексту Рас-Шамры», ВДИ, 1946, № 1, стр. 35—59; «Финикийская жатвенная мифология и обрядность», ВДИ, 1946, № 2, стр. 21—30 и др.

² В. В. Струве, «Определение понятия π в вавилонской математике», «Mathematische Studien», 1922 (на нем. языке); С. Я. Лурье, «Из истории математики в древности», ВДИ, 1938, № 3, стр. 194—199; он же, Предисловие и пространное исследование к книге О. Нейгебауэра, «Лекции по истории античных математических наук», «Догреческая математика», М.—Л., 1937; И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский и Н. Флиттнер, «Очерк по истории техники древнего Востока», М.—Л., 1940 (главы по Двуречью, стр. 3—128, принадлежит Б. Б. Пиотровскому и Н. Д. Флиттнер); С. И. Вавица и С. Е. Ванина, «Мебель древних народов, II, Мебель Вавилонии и Ассирии. Труды Лесотехнической академии им. С. М. Кирова», № 52, стр. 53—84; М. Я. Вигдоский, «Вавилонская арифметика и алгебра», «Арифметика и алгебра в древнем мире», М.—Л., 1941, стр. 57—167. См. также упоминавшиеся выше работы В. К. Шпейко по вавилонской астрономии и астрологии, и т. д.

³ «Земледельческие культы древней Месопотамии в свете последних раскопок», ТОВЭ, I (1939), стр. 1—20 (по поводу раскопок Вулли в Уре); «Сиро-хеттские памятники Эрмитажа», там же, стр. 29—43; «Охота и борьба с животными в искусстве Передней Азии и золотой перстень № 6652 Государственного Эрмитажа», ТОВЭ III (1940), стр. 49—70 и др. Из работ других авторов в той же области см. И. И. Мещанов, Орнамент сузских чаш первого стиля, ИГАИМК, V (1927); А. А. Захаров, Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Несколько археологических параллелей, «Труды секции археологии РАНИОН», II (1928), стр. 33—115; И. М. Дьяконов, Об одной древневосточной скульптуре, ТОВЭ, IV (1947) и др.

⁴ Кроме упомянутых уже выше работ, см. еще статьи: И. М. Дьяконов, Письмо к шумерскому царю Шу-Сину, ВДИ, 1939, № 1, стр. 59—64; «К возникновению письма в Двуречье. Две архаические таблички Государственного Эрмитажа», ТОВЭ, III (1940), стр. 27—48; «Древневавилонский план дома», СГЭ, II (1940).

ее сложности и разнообразии требует еще многолетнего кропотливого изучения во всеоружии филологических и реальных познаний, без предвзятых схематических концепций, ибо многое еще остается неясным, не складывается в стройную картину. Нужно продолжать разработку богатого материала языков древнего Востока; этот материал часто вынуждены привлекать наши историки и исследователи этногенеза и иногда мы еще встречаем здесь с поспешными и неоправданными выводами, объясняющими недостатки недостаточным знанием языкового материала и недостаточным привлечением специалистов. Число работающих в области изучения клинописи все еще невелико и все еще не соответствует ни громадному количеству подлежащего обработке материала, ни запросам, ставящимся советской наукой, высшей и средней школой. Ряд более узких областей не имеет еще своих специалистов. После смерти В. К. Шилейко не разрабатываются вопросы клинописной литературы, нет специалистов по обширной области вавилонского права¹. Столь обширная и важная для истории народов СССР область, как хеттология, — хотя ей отдавали дань в той или иной форме почти все, работавшие в области культуры древней Передней Азии, — все еще не имеет своих специалистов в советской науке. Подготовка кадров кунеологов, расширение советской ассириологической школы является поэтому первоочередным вопросом.

Перед советской ассириологией стоят большие задачи. Но залогом того, что они будут выполнены, является и наличие уже сформировавшейся школы, и традиция уже сделанных весьма значительных достижений во всех наиболее существенных отраслях науки.

В одной из отраслей науки, изучающей клинопись, именно в урартологии, уже и сейчас советским ученым принадлежит ведущее место в мире.

Впервые у нас обратил внимание на значение урартской клинописи еще в 80-х годах известный армянский историк К. П. Патканов. Начало русской урартологии, как и ассириологии, было положено М. В. Никольским, издавшим все известные тогда клинописные тексты, обнаруженные на территории Закавказья, и В. С. Голенищевым. Позже экспедиция Н. Я. Марра и И. А. Орбели в Ван обогатила науку одним из наиболее важных урартских памятников — летописью царя Сардура. Очень рано урартология начинает привлекать внимание научной общественности народов Закавказья.

Однако вплоть до конца 20-х годов толкование урартских текстов не выходит за пределы догадок, основанных на учете общих для ассирийской и урартской клинописи идеограмм и на угадывании в урартских текстах заимствованных у ассирийцев стилистических формул.

Впервые работы акад. Н. Я. Марра², обобщенные в 1932 г. И. И. Мещаниновым³, позволили начать научное изучение урартских текстов. Несмотря на то, что и Н. Я. Марру пришлось базироваться на гадательных толкованиях словарного состава урартских текстов, ему

¹ Практика показывает, что в этой области наиболее целесообразным является сотрудничество юриста и ассириолога. Отсутствие сотрудничества специалиста — древневосточника сильно сказывается на работе юриста С. Ф. Ке ч е кья на «Всеобщая история государства и права», ч. I, вып. I — «Древний Восток и древняя Греция», М., 1944.

² После 1917 г.: «Надпись Сардура II, сына Аргиштиа, из Даш-керпи», «Зап. Кавк. музея», серия В, вып. 1 (П., 1919); «Фрагмент халдской надписи из Алашкерта», ИРАИМК, I, 1920, стр. 51—60; «Надпись Русы II из Маку», ЗВОРАО, XXV, 1921, стр. 1—54, «Лошадь» — птица, тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа его миграции», ЯС, I, 1922, стр. 133—136; «Заметки по яфетическим клинописям», ИРАИМК, III (1924), стр. 257—287; Н. Я. М а р р и И. А. О р б е л и, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, П., 1922 и др.

³ «Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания», «Труды ИЯМ», I, 1932.

удалось понять грамматическую структуру урартского языка как языка яфетического строя. Основываясь на теории Н. Я. Марра и критически перерабатывая достижения немногочисленных западных урартологов, академик И. И. Мещанинов, с 1921 г. давший целый ряд исследований по урартологии¹ и публикаций текстов², в 1935 г. в своем фундаментальном труде³ предложил развернутую теорию урартского языка; в особенности важен для понимания текстов данный И. И. Мещаниновым анализ урартского глагола.

Изучение урартских текстов с 30-х годов получает научную основу, и ведущая роль в мировой урартологии переходит к Советскому Союзу. И если до сих пор урартские тексты все же во многом еще остаются темными, то это объясняется трудностью предмета и все еще недостаточным количеством памятников. Нет сомнения, что дружными совместными усилиями урартологов-кунеологов и кавказоведов в скором времени удастся полностью поставить урартские тексты на службу исследователя и довести их понимание и степень филологической разработанности до того уровня, который уже достигнут в ассириологии.

За последние годы в области урартологии работал ряд советских исследователей (акад. Г. А. Каганцян, Б. Б. Пиотровский, покойный П. Н. Ушаков, Г. В. Церетели и другие⁴), причем центром урартологии

¹ «Числительные и их согласование в халдских надписях», ЯС, I, 1922, стр. 31—42; «Шураа и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна», ДАН, 1924, стр. 19—22; «Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям», ИРАИМК, IV (1925), стр. 43—64; «Доисторический Азербайджан и урартская культура», ИООИА, I, 1926, стр. 5—15; «Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана», там же, II, 1926, стр. 33—38; «Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения Ванской клинописи», ЯС, IV, 1926, стр. 72—122; «Древневанский бог Халд-Халдин», «Восточные записки», 1927, стр. 173—181, ТОИА, 1927, № 10; «Халдовы ворота», «Язык и литература», III (1929), стр. 59—69; «Этимология халдского слова «patari», ЯС, IV, 1930, стр. 51—58; «Гермины' царь', 'старейшина', 'наместник', по халдским клинообразным надписям», ЯС, VII, 1932, стр. 97—110; «К анализу имени Эрмана», «Язык и мышление», I (1933), стр. 37 сл.; «Два языка древнего Вана» (Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 359—366); «Халдо-грузинские параллели» (Сб. «АН СССР—акад. Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 287—291); «Восточное Закавказье времени халдских завоеваний», ВДИ, 1937, № 1, стр. 66—77; и др.

² «По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргштиа», ЗВОРАО, XXV (1921), стр. 257—272; «Халдская надпись из Нор-Баязеда», ДАН, 1928, № 3, стр. 168—174; «Надпись на конском погребении халдского царя Менуи», ДАН, 1929, № 2, стр. 34—38; «Халдская надпись из сел. Гюснеш», ДАН, 1920, № 2, стр. 32—37; «Новая халдская надпись из Вана, Сурб-Погос», ДАН, 1920, № 8, стр. 143—146; «Халдская надпись Менуи из сел. Муш», ДАН, 1930, № 11, стр. 206—210; «Халдские надписи на базах колонн собрания Б. Н. Шаховского», ДАН, 1931, № 2, стр. 29—36; «Надпись Менуи из Зивина», ДАН, 1931, № 5, стр. 69—73; «Стела Сардура в Ване, Сурб-Погос», ИОН, 1932, № 4, стр. 341—348; «Новая халдская надпись из сел. Тальш», ИОН, 1932, № 4, стр. 161—166; «Халдская надпись из сел. Зивин», ИОН, 1933, № 5, стр. 407—412.

³ «Язык Ванской клинописи, II, Структура речи», Л., 1935.

⁴ Помимо работ акад. Н. Я. Марра и акад. И. И. Мещанинова, см. еще: А. Х а ч а т р я н, Пересмотр древнейшего периода наириурартской истории. По поводу книги И. И. Мещанинова «Халдоведение», Эривань, 1932; Т. А в д а л б е г я н, Новонайденная Нор-Баязде клинопись и ее археологическая среда, «Изв. Ин-та наук Армении», 1927, № 2, стр. 203—219 (на арм. языке); А. А. К а л а н т а р, Две клинообразные надписи Русы I, сына Сардура», «Орагир (дневник) Комитета охр. древностей Армении», 1927, № 3, стр. 1—57 (на арм. языке); Г. К а п а н ц я н, Новая урартская надпись, «Нор-Угив», 1929, № 2—3, стр. 298—303 (на арм. языке); о н ж е, Клинообразная надпись из Ново-Баязеда, «Изв. Ин-та наук Армении», 1930, № 4, (на арм. языке с русским резюме); А. А. К а л а н т а р, Новооткрытая халдская клинообразная надпись из села Джанфида, «Орагир», 1930, № 4, вып. 1, Эривань; В. Н. Х у д а д о в, Опыт этнографии Кавказа в классическую эпоху, «Изв. Р. Геогр. Об-ва» (1930), XII, вып. 4, стр. 413—456; Р. М. Ш а у м я н, К интерпретации халдского термина patari, ЯС, IV (1930), стр. 59—62; Б. Б. П и о т р о в с к и й, Шахриарская клинообразная

начинают становиться республики Закавказья. В особенности следует отметить ряд существенных историко-лингвистических и исторических исследований Г. А. Капанцяна в Армении и прекрасное издание урартских текстов Музея Грузии Г. В. Церетели¹, известного также своими работами в области семитской эпиграфики, где он выступает как ученик и продолжатель П. К. Коковцова и А. Я. Борисова.

Несколько выходя из рамок нашей темы, необходимо упомянуть существенное расширение за последние годы наших познаний в области урартской и закавказской археологии и истории материальной культуры, в особенности благодаря блестящим археологическим работам Б. А. Куфтина и Б. Б. Пиотровского, не уступающим по значению важнейшим раскопкам в Малой Азии и Ираке. Обобщающее исследование крупнейшего специалиста по археологии Закавказья и урартолога Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту»², удостоенное Сталинской премии, надолго явится настольной книгой для всякого интересующегося не только урартологией, но и культурой древнего Востока вообще, а также и древнейшими культурами на территории СССР.

Трудами советских урартологов устанавливается действительное значение культуры Урарту—древнейшего государственного образования, включавшего нынешние территории СССР,—как одной из великих древних цивилизаций, оказавших существенное влияние на последующие культуры. Несомненно, что урартологические исследования, при условии глубокого изучения всего комплекса культур и точного, объективного основательного использования всего материала языков древнего Востока, помогут разобраться в сложных и важных вопросах этногенеза ряда народов Советского Союза. Это является одной из очередных задач урартологии. Развитие археологических работ в Закавказье позволяет надеяться на значительное расширение круга скудных пока урартских источников.

Сравнительно небольшой отряд советских ученых, трудившихся за последние 30 лет над изучением клинописи, имеет на своем счету ценные достижения. Эти достижения дают нашей советской науке право занять в мировой науке уже сейчас почетное место.

надпись, ДАН, 1931, № 2, стр. 25—28; Г. А. Капанцяна, Халдская надпись Русы I из Келанкрана, Эривань, 1931; С. Бархударян, Страна Великухи, «Мат-лы по истории древней Армении», Эривань, 1935, стр. 151—204 (на арм. языке); А. Папаянц, Ключ халдского языка, Эривань, 1936; Г. А. Капанцяна, Общие элементы между урартским и хеттским языками, Эривань, 1936; С. Бархударян, Материалы по этническому составу армянского народа (этиуни-удуриэтиуни—утик), «Вестник Ин-та истории и литературы Арм. ССР», II (1937), стр. 195—221 (на арм. языке); В. В. Струве, Урарту—древнейшее государство на территории СССР, УЗЛГУ, № 19 (1938), стр. 134—145; В. Н. Худяков, Халдо-урартийцы после падения Ванского царства, ВДИ, 1938, № 2, стр. 122—125; Б. Б. Пиотровский, Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э., ВДИ, 1939, № 1, стр. 65—78; он же, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, ТОВЭ, I (1939), стр. 45—60; он же, Урарту—древнейшее государство Закавказья, Л., 1939; он же, Урартская бронзовая статуэтка Государственного музея Армении, СА, VI (1940), стр. 89—91; он же, Урарту и Закавказье, КСИИМК, III (1940), стр. 28—34; Гр. Капанцяна, Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940; Б. Б. Пиотровский, Скифы и Закавказье, ТОВЭ, III (1940), стр. 71—92; он же, Припоптийские халдеи и урарты, КСИИМК, V (1940), стр. 5—10; Г. А. Капанцяна, История Урарту, «Научные труды ЕГУ», XIV (1940), Ереван (на арм. языке); П. Ушаков, К походам урартийцев в Закавказье в IX и VIII вв. до н. э., ВДИ, 1941, № 2, стр. 31—44; Б. Б. Пиотровский и Л. Новая, Страницы древнейшей истории Кавказа, «Изв. Арм. ФАН», 1943, № 1, стр. 60 сл.; акад. Гр. Капанцяна, Об урартском божеестве Adarutha, там же, 1944, № 6—7, стр. 25—32; Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946.

¹ «Урартские памятники Музея Грузии», Тбилиси, 1939.

² Ереван, 1944.